

Говоря об этом Сяо Чжюане, можно сказать, что в те годы он приложил немало усилий, добиваясь расположения Чэн Сую.

Чэн Сую изначально была дочерью генерала, известной своим дерзким и лихим нравом. В те времена в столице сколько знатных юношей глядели на неё с восхищением!

Сяо Чжюань, проявив искренность и природную сметливость, пробился сквозь ряды соперников, одного за другим отвадив прочих претендентов на её руку, и лишь после этого сумел взять Чэн Сую в жёны.

За годы брака они стали поистине неразлучны, разделяя глубокую привязанность и безусловное доверие.

Вот только Сяо Чжюань от природы обладал привлекательной внешностью, да к тому же отличался мягким нравом, из-за чего неизбежно привлекал нежелательное внимание.

Многие молодые женщины из чиновных семей, недавно прибывшие в столицу, еще не знали о глубине их чувств. Питая личные амбиции или тайную страсть, самые смелые из них умудрялись являться прямо к Чэн Сую с заявлениями о готовности стать наложницами и прислуживать им покорно.

Именно поэтому, услышав сегодня о выходке княжны Аньнин, Сяо Чжюань даже без долгих раздумий понял: это снова из-за его лица случилась беда, из-за чего его собственная жена чуть не лишилась жизни.

Выслушав клятвенные заверения Сяо Чжюаня, Чэн Сую и сама всё понимала. Зная, что он вовсе не из тех, кто способен на предательство, и что между ним и княжной Аньнин действительно не было никакой связи, она перестала развивать эту тему.

Она поднялась с кушетки, зашагала вглубь покоев и уже через мгновение вернулась в алых одеждах для верховой езды.

Строгий крой наряда придавал фигуре Чэн Сую еще больше решительности и боевого задора. В руке она сжимала чёрный деревянный хлыст, а серебряная нить на его кончике поблёскивала холодным светом.

Сяо Чжюань, привычный к таким делам, тут же услужливо поднёс чашку горячего чая со счастливой улыбкой на лице:

— Выпейте чаю согреться, дорогая, а муж ваш подождёт здесь вашего возвращения.

Чэн Сую приняла пиалу, но пить не стала и бросила на мужа косой взгляд:

— Вернусь — я с тобой еще разберусь.

Сяо Чжюань торопливо подошёл ближе и понизил голос:

— Ступайте со спокойной душой, жена моя. Дома я велю приготовить вина и закусок, а к ночи вымою тело начисто — делайте со мной всё, что пожелаете.

Когда до её слуха донесли эти дерзкие речи, даже всегда отличавшаяся прямолинейным нравом Чэн Сужоу почувствовала, как у неё запылали уши и щеки покрылись легким румянцем.

Заметив краем глаза, что служанки за дверью стоят с опущенными головами и не обращают внимания на происходящее внутри, она взмахнула хлыстом и легонько постучала его наконечником по кончику носа Сяо Чжюаня, укоризненной:

— Язык без костей! Еще слово — и шкуру с тебя спущу.

С этими словами она развернулась и широким шагом вышла из комнаты в сопровождении служанок и домашних воинов.

Сама Чэн Сужоу приходилась единственной дочерью в Резиденция герцога Чэна. Её отец, старый генерал Чэн, некогда следовал за Императором Чжаохэ в бесчисленных походах по всему белу свету, исходяв вдоль и поперек бескрайние земли. Несколько лет назад, когда Император Чжаохэ и Мятежный император Ли оспаривали друг у друга власть над Поднебесной, старый генерал Чэн с мечом и в доспехах поднялся в час смертельной опасности, помогая Императору Чжаохэ утвердить новый порядок.

Всю жизнь старый генерал провёл в седле, и кроме этой единственной дочери у него никого не было. И хотя ей дали столь мягкое имя — Сужоу, — воспитывали её исключительно как мужчину.

Мечи, копья, луки и алебарды, военные стратегии и построения — со всем этим Чэн Сужоу была знакома с самых малых лет и ни в чём не уступала парням из воинских семей.

Когда же пришло время выходить замуж и перебираться в поместье Сяо, глава Резиденция герцога Чэна щедрой рукой отдал дочери в приданое пятьсот элитных воинов из своей личной стражи.

Все эти пятьсот человек прошли через бесчисленные сражения под личным началом старого генерала; они отличались преданностью до гроба и подчинялись приказам одной лишь Чэн Сужоу.

Чтобы княжна Аньнин вздумала строить против неё козни втайне — это поистине было похоже

на попытку майского жука сдвинуть большое дерево.

Наступила первая стража вечера. На небе мерцали редкие звезды, а полная луна висела в вышине, заливая улицы Цинлун чистым сиянием и озаряя то ярким светом, то полумраком загнутые углы крыш.

Дома в переулках стояли в беспорядке, их взметнувшиеся вверх карнизы цеплялись за ночную тьму, а гуляющий меж ними вечерний ветер мерно раскачивал фонари под навесами.

Лицо Чэн Сужоу было холодно и непреклонно, а позади неё в строгом молчании застыли две сотни воинов, у каждого из которых на поясе висел боевой клинок.

Отряд уверенным шагом направился в самый тупик переулка, к той самой усадьбе, где жила княжна Аньнин.

Не прошло и мгновения, как две сотни крепких мужчин наглухо окружили поместье, не оставляя промежутка даже для пролёта птицы.

Стоило шагам у ворот утихнуть, как задремавший в караулке старый слуга резко встрепенулся. Потирая заспанные глаза, он прижался лицом к щели в воротах и выглянул наружу.

Этот взгляд едва не лишил его рассудка от страха. Забыв о всякой осторожности, старик кубарем скатился с места и бросился во внутренние дворы, безумно вопя на ходу:

— Беда! Спасайтесь! Там снаружи целая армия, нашу усадьбу взяли в кольцо!

Его крики пронзили ночную тишину, и стражники поместья, услышав их, в панике схватились за дубинки, шесты и клинки, бросаясь к главным воротам.

Подвешенные под галереями фонари раскачивало ночным ветром, и в путанице световых теней отчетливо виднелись перепуганные лица людей.

Огромная усадьба в мгновение ока превратилась в растревоженный муравейник.

В парадном зале внутренних покоев княжна Аньнин восседала на резном деревянном стуле с узором из цветов лотоса, держа в пальцах пиалу с весенним чаем сорта Сунло.

Этот чай был обжарен еще в двенадцатый месяц года и бережно сбережен для питья в новом сезоне: настой отличался прозрачностью, а поднимающийся от него легкий парок ласкал жемчужные заколки в её волосах.

Стоявшая рядом служанка дрожащим голосом произнесла:

— Княжна, снаружи... боюсь, гости незваные и добром это не кончится.

Княжна Аньнин неторопливо пригубила чай, а в её глазах мелькнуло презрение:

— Чего паниковать?

С этими словами она с стуком опустила пиалу на стол и холодно бросила:

— Ступайте, распахните средние ворота и впустите её. Посмотрим, какие фокусы эта девица попытается сегодня показать.

Средние ворота распахнулись настежь. Чэн Сужоу уверенным шагом ступила в лунный свет, а следом за ней один за другим влились воины, и воздух наполнился звоном сталкивающихся ножен и клинков.

Её взгляд пронзил сидящую в глубине зала княжну Аньнин, и она насмешливо бросила:

— А у княжны отменный вкус! Надо же, какой досуг — наслаждаться чаем при луне.

Княжна Аньнин медленно подняла веки и с беззаботной улыбкой произвела:

— Госпожа Чэн, вы среди ночи привели людей окружать моё поместье — какая напыщенность! Только не забывайте, что мой титул пожалован самим императором. Вы что же, решили выступить против императорского рода?

— Против императорского рода? — громко усмехнулась Чэн Сужоу. — Ты прикрываешься этим титулом для тёмных делишек и пыталась лишить меня жизни. Неужели ты всерьёз думаешь, что звание княжны способно тебя спасти?

Сегодня я заявляю тебе прямо: даже явись сюда сам император, и то не убережёт такую ядовитую змею в человеческом обличье.

Лицо княжны Аньнин слегка помрачнело, но она по-прежнему держалась с показной уверенностью:

— Чэн Сужоу, у тебя хватит духу поднять на меня руку?

— А почему бы и нет? — холодно усмехнулась Чэн Сужоу и взмахнула рукой: — Взять её!

Воины рывкнули в ответ и бросились вперед подобно голодным хищникам.

Охранники поместья, хоть и сбились в кучу по периметру, накрепко сжимая в потных руках палки и клинки, сами дрожали от страха.

В мирные дни они лишь охраняли ворота да патрулировали улицы — откуда им было знать столь свирепые армейские методы?

А взглянув на людей семьи Чэн, они увидели звериный блеск в глазах и почувствовали исходящую от них волну настоящего запаха крови — было очевидно, что это головорезы, прошедшие через огонь и леденящий блеск клинков.

При виде такого зрелища охранники и вовсе не смели ступить вперед ни на шаг. Втянув головы в плечи, они пятились назад, беспомощно наблюдая, как чужие воины наваливаются на княжну Аньнин и прижимают её к полу.

Чэн Сужоу извлекла из ножен кинжал и, не обращая внимания на отчаянное сопротивление и брань княжны Аньнин, в несколько движений полностью срезала её роскошную причёску, усыпанную жемчугом и драгоценными заколками.

Сначала княжна Аньнин изрыгала проклятия, кляня Чэн Сужоу за дерзкое пренебрежение старшими по положению, а домашних воинов — за то, что они выслуживаются перед хозяйкой, опираясь на её власть.

Но стоило лезвию кинжала срезать первую прядь шелковистых волос и заставить их безжизненно опуститься вниз, как её ругань резко оборвалась.

Когда же была сбрита последняя прядь и воины отпустили её, княжна Аньнин рухнула на землю. Тупо уставившись на раскиданные вокруг обрезки волос, всё еще оплетенные праздничными заколками, она вдруг издала пронзительный до жути визг.

Издавна существовало поверье, что лишиться волос — все равно что вырвать сердце, а подобное бесчестие хуже убийства родителей. Столь чудовищный позор расколол душу княжны Аньнин надвое. Растерзанная, она сидела на полу, в мертвой хватке сжимая горсти рассыпавшихся волос, а её глаза налились кровью.

Она то начинала истерически хихикать, то срывалась на безумные рыдания:

— Мои волосы... мои волосы... Чэн Сужоу, я буду бороться с тобой до самой смерти!

Крича об этом, она неожиданно бросилась головой прямо на ближайшую резную колонну. К счастью, кто-то из воинов среагировал мгновенно и перехватил её поперёк туловища, не позволив брызнуть крови.

Но даже после этого княжна продолжала отчаянно извиваться, выплевывая сквозь слезы грязную ругань, и выглядела точь-в-точь как потерявшая рассудок безумица.

<http://bllate.org/book/19421/1901969>